Поздний ребенок

Автор:
Анатолий Алексин

Поздний ребенок

Анатолий Георгиевич Алексин

Юные герои Анатолия Алексина впервые сталкиваются со «взрослыми», нередко драматическими проблемами. Как сделать правильный выбор? Как научиться понимать людей и самого себя? Как войти в мир зрелым, сильным и достойным человеком?

Анатолий Алексин

Поздний ребенок

1

Меня ждали шестнадцать лет…

Ужасно быть поздним ребенком! Я-то уж знаю! Ранние дети появляются быстро, сами собой, как отметки в дневнике, если ты пошел в школу. А позднего ребенка ждут не дождутся и, когда наконец дожидаются, начинают проявлять такую любовь, такое внимание, что ему хочется сбежать на край света, а то еще и подальше.

Родители ему говорят: «Мы тебя ждали! Так ждали!..» – будто он задержался в кино или на улице.

Я – поздний ребенок. Мои родители сразу хотели иметь мальчишку, а заимели Людмилу… Это моя сестра. Все втроем, вместе с Людмилой, они мечтали, чтоб я родился. И вот через шестнадцать лет мечта их сбылась! Поздновато, конечно. Но что же я мог поделать?

Я не помню, с какого возраста я себя помню. Но в ту пору, с которой помню, я часто, казалось, слышал: «Ты – сюрприз! Ты – драгоценный подарок!» Теперь мои родители стесняются громких фраз. Может быть, и раньше они таких точно слов не говорили. Но какие-то вроде этих… Я стал драгоценным подарком, как чашка, которая, нарядная и чистая, стоит за стеклом, но из которой никогда не пьют чай.

Меня берегут! Конечно, каждый по-своему, потому что у каждого взрослого в нашей семье свой характер.

Вот, например, если я собираюсь куда-нибудь в лыжный поход, мне запрещают все трое. Но запрещают по-разному.

Первым, конечно, отец. Он огромный мужчина. Похож на Хемингуэя, который висит над столом у Людмилы. Только без бороды. Но такой же седой и в морщинах.

В жизни ему приходилось трудно, и поэтому он хочет, чтобы я от всего получал удовольствие. Нет, он не откажет впрямую: он попытается, чтоб и это мне было приятно. Даже отказ!

– По долинам и по взгорьям? – пропоет он так, что будет слышно внизу, во дворе: у отца громкий, раскатистый голос. И он любит цитировать песни. Не стихи, не пословицы, а именно песни. – В движеньи мельник жизнь ведет, в движеньи!..

Отец обязательно пропоет что-нибудь на подходящую тему. В эти минуты, мне кажется, он усиленно соображает: придумывает, как бы не огорчить меня своим отказом, а, наоборот, доставить мне удовольствие. От напряжения лицо его становится красным. Краска ползет к ушам, заливает всю шею. Из-за белых волос это особенно заметно.

Он говорит так громко, будто объявляет со сцены:

– А я хотел пойти с тобой завтра в кино! Ты ведь тоже хотел?

Я соглашаюсь. Хотя меня гораздо больше тянет в лыжный поход. Я не спорю с отцом. Бесполезно: я поздний ребенок, меня берегут.

– Хочешь, любое, мой сын, выбирай! – поет отец громким голосом хана Кончака из оперы «Князь Игорь». Иногда он переиначивает слова арий и песен по-своему, чтобы они подходили. – Любое, мой сын, выбирай!.. Но раз ты хочешь идти в кино, я ликую!

Он долго еще ликует. Так, что слышно внизу, на улице.

По правде сказать, не только отец – все в нашем доме говорят громко, потому что мама не очень хорошо слышит. Это случилось, когда я родился. Значит, поздние дети, которых так ждут, приносят не только радость… Мне не сказали, что это из-за меня, чтобы не огорчать. Но я-то уж знаю! Однажды я слышал, как доктор сказал: «Последствия родов. Вряд ли пройдет». Уж лучше бы я не рождался!

А сама мама говорит очень тихо. Иногда она тоже шутит, но с какой-то грустной улыбкой. Что бы у нас ни случилось, она всегда считает, что это к добру. И не поймешь, всерьез ли она так считает.

– Это даже хорошо, – говорит она, – что я многое пропускаю мимо ушей: мало ли говорят ерунды!

«Это даже хорошо…» – мама часто так начинает.

– Это даже хорошо, что ты хочешь в лыжный поход: значит, ты не боишься!

Но потом она обязательно отыщет причину, по которой мне лучше остаться дома: я – поздний ребенок, меня берегут.

Бережет и Людмила… Она архитектор. «Мастер четких линий» – называет ее отец. И говорит моя сестра четко и прямо, она уж не станет переиначивать арии.

– Если бы ты всерьез занимался спортом и хорошо катался, я бы тебя поддержала, – скажет она. – А так – не могу.

Но если я даже научусь кататься, как мастер спорта или чемпион, они все равно найдут причину, чтобы меня не пустить. Это уж факт.

Когда в доме у нас происходит что-нибудь неприятное, от меня все скрывают. Я сразу чувствую, а мне говорят: «Ты – ребенок! Ты этого не поймешь». Они ждали ребенка, и им приятно, что он у них есть. И мне было бы очень приятно, что им так приятно, если бы этим ребенком был кто-нибудь другой, а не я.

Подслушивать я не люблю. И никогда бы не стал, но раз от меня что-то скрывают, а я в этом деле, может быть, даже могу помочь, я должен подслушать. Тем более что отец и по секрету всегда говорит так громко, что хочешь не хочешь, а все равно будешь знать.

Однажды я услышал такой разговор, секретный… Что говорила мама, я не мог разобрать, а отец запел ей в ответ из «Евгения Онегина»:

– Привычка свыше нам дана!

Я не так уж хорошо разбираюсь в музыке, чтобы сразу угадывать, что из какой оперы. Но ведь даже у каждого знаменитого певца есть свой особый репертуар, к которому можно привыкнуть.

– Привычка свыше нам дана! – повторил отец. И добавил: – После стольких лет?.. На другую работу? Нет, не могу!

Потом что-то сказала мама. Потом отец снова запел, но уже из Девятой симфонии Бетховена. Это странная симфония: в ней поют.

– О бра-атья, довольно печали! – пропел отец. И добавил одну фразу обыкновенно, по-человечески: – Двести двадцать на сто – это еще не смертельно.

2

Я давно уже заметил, что люблю встречать на улице старых людей. Чем старей человек, тем больше я радуюсь. «Значит, можно долго, очень долго прожить на свете!» – думаю я.

Однажды я прочитал в журнале, что в одном горном селе пять человек уже дотянули до ста тридцати лет. И продолжают жить дальше… Я всем показывал эту заметку.

– Так то же в горах! – говорили мне. – А ты живешь в Третьем Машиностроительном тупике.

Мы действительно живем в тупике с таким длинным названием.

Когда в газетах печатают сообщения в черных рамках, я всегда их читаю. Особенно мне интересно, сколько лет было тому, кто умер. Или, как пишут, на каком «году жизни скончался». Если человеку было лет восемьдесят или девяносто, мне бывает приятно. Не потому, конечно, что умер, а потому, что удалось человеку так много прожить.

Другие ребята об этом не думают. У них молодые родители…

Особенно я всегда волнуюсь за маму. Ведь она плохо слышит.

Если мама где-нибудь хоть ненадолго задерживается, я все время выглядываю в окно, которое выходит на улицу, потом спускаюсь вниз и хожу взад-вперед возле подъезда. Я представляю себе всякие несчастные случаи, уличные катастрофы. Руки у меня становятся мокрыми, и я забываю здороваться со знакомыми и соседями.

– Это даже хорошо, что я плохо слышу, – говорит мама. – Иначе бы ты меня не встречал!

Я хватаю мамину сумку.

– Тебе нельзя таскать тяжестей! – говорит она.

Ей, значит, можно, а мне нельзя. Еще бы: ведь я ребенок – не подниму, не пойму, не смогу!..

Уже после, дома, мама меня успокаивает:

– Плохой слух обостряет внимание. Человек становится зорче! Спроси у любого врача. И не волнуйся. Тебе волноваться нельзя!

Почему мне нельзя волноваться?

В тот день, когда я подслушал, мама почти шептала: мне ведь нельзя волноваться. Хорошо, что отец тихо говорить не умеет! Это мне помогло.

Когда разговор их окончился, отец вошел в комнату, где я нагнулся или, как пишут, склонился над учебником, который мне в тот день был совсем не нужен.

– О радость! Я знал, я чувствовал заране! – пропел отец из «Руслана и Людмилы». – Мой сын делает уроки!..

– Это даже хорошо, что композиторы, которых ты исполняешь, давно уже скончались, – сказала мама.

– Почему? – удивился отец.

– Они бы тебя растерзали! А я не хочу остаться вдовой. Не хочу!

Последние слова она сказала совсем без улыбки. И я испугался. Теперь за отца.

В тот же вечер я спустился тайком к Леониду Миронычу.

Леонид Мироныч живет под нами, на втором этаже. Он врач. Правда, зубной. Но об этом все у нас в доме забыли и вызывают его к себе при любой болезни. А дом наш огромный – целых семь этажей. Всегда есть больные: у кого сердце,

у кого грипп, у кого воспаление легких. И все обращаются к дяде Лене. У него есть прозвище: дядя Леня – «ноль один». Вообще-то по телефону «ноль один» вызывают не «Скорую помощь», а пожарную команду, Но дяде Лене дали такое именно прозвище…

Он очень добрый. И даже застенчивый. «Видите ли, я ведь только дантист…» – всегда начинает он. «Дантист» – это значит попросту зубной врач или техник. Но дядя Леня всегда называет себя этим красивым словом «дантист».
А в остальном он очень скромный и даже застенчивый…

Меня дядя Леня встретил в женском фартуке и со сковородкой в руке.
На сковородке шипела яичница. Раньше мне казалось, что дядя Леня слишком много думает о еде: всегда я встречаю его с промасленными свертками, которые он держит в протянутой руке. Но мама мне объяснила, что все холостяки очень много возятся с продуктами, а едят гораздо меньше женатых: просто они не способны вести хозяйство. Ну, как некоторые ученики, которые часами возятся дома с тетрадями и учебниками, корпят над ними, зубрят, а отвечают на двойки или на тройки, потому что у них нет способностей.

– А-а, тезка! – воскликнул дядя Леня – «ноль один» как-то растерянно и даже испуганно.

Меня тоже зовут Леонидом. Или, вернее, Ленькой… И у меня тоже есть прозвище. Только оно хуже, чем у дяди Лени. Неблагозвучное! Даже не хочется вспоминать.

– Ты один? – спросил дядя Леня все так же испуганно. И схватил сковородку другой рукой: она, наверно, была горячая.

– Я… один. Я по делу.

Но дядя Леня выглянул на лестницу, будто за моей спиной мог кто-то скрываться. Потом он пригласил меня в комнату. На подоконниках почему-то стояла посуда, а в буфете, за стеклом, где обычно бывает посуда, почему-то стояли книги. Я решил, что ни за что на свете не буду холостяком.

– Дядя Леня, я на минутку.

– Кушать не хочешь? У меня есть яичница. Глазунья: два глаза. Можно с тобой поделиться…

Я понял: он по доброте своей предлагает мне то, что достается ему с наибольшим трудом, – еду, яичницу. И отказался.

– Мне надо сказать только два слова. Мне надо узнать… Ну, посоветоваться. Насчет отца. Я услышал сегодня, что у него «двести двадцать на сто»…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/anatoliy-aleksin/pozdniy-rebenok

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить